

{numeration}

Вот в одной деревне жил мужик. У этого мужика был один сын. Сын был годов пятнадцати. Жили бенно они горазно. Вот сын и стал говорить: «Тятенька, у нас хлеба нету, кормиться не́чем, отпусти в город, может, найду какое место и стану зарабатывать деньги!» Ну ён ево благословил, и ён отправилсе в путь-дорогу в город. Идёт путём-дорогой в город, на половину путе подходит к усадьбе и приходит в эту усадьбу. Барин ево наймет в пастухи. Дал ему сто рублей в лето жалованья. Вот ён пожил у ево так до половины лета. Раз пасёт он на поляне и видит: едут два купецеские сына. Один хвалитсы, што «могу убить хорошо птицу на лёту», и другой хвалитсы. А этот мальчик и услышал розговоры ихние. «Вот, вы стрелки хороши, а я ешшо лутше вас! Давайте ружьё! Вот, летят, говорит, гуси, летят четырёхугольником — как стрельну, так со всех четырёх углов по гусю и упадёт!» Вот оне дали ружьё ему. Так со всех четырёх углов по гусю и пало. Вот оне и стали ево с собой звать: «Пойдем с нам в город! Мы тебя приставим к месту хорошему!» — «Ну вот, как я могу уехать, если я нанявши здесь на всё лето!» Оне говорят ему: «Только будь согласен; а нам барин знаком, мы у ево выпросим тебя!» — говорят. Вот оне приехали к этому барину, он пригнал скотину домой. Барин ево держать не стал, росчитал за пол-лета, пятьдесят рублей дал деньги ему и отпустил.

Приезжают оне в город, и остановилсы он у них жить купецеских сыновей. И стал ходить за охотой, только и дела знал. И птицы эти так возам и возил им. И про это дело узнал, значит, государь, што это он такой охотник. Как узнал, так съехал к купцам, отобрал этово мальчика и им заплатил большие деньги за ево. И прозвал ево Егорем несчастли́вым. И стал ён ходить за охотой и птицъ сталь носить царю видимо-невидимо сколько. И раз этот царь ему наказывает: «Я хоцу сделать вецер, и ты мне набей всякой птицы по паре, што есть на свете!»

Вот ён направилсы в лес за охотой. Ходит день, ходит другой, а птицы всё не видит, штобы убить ково. Ну и приходит ён на рецьку. Сел на рецьку, закусил и видит, пролетает лебедь белая, садитса возле ево и плавает. Вот ён здымает курок и хоцет стрелить в эту лебедь, а лебедь ему и говорит целовецьим голосом: «Не тронь меня, говорит, Егорь несчастли́вый! Эти все дела, говорит, мы уладим с тобой. Я, говорит, тебе всех птицъ представлю живьём по паре! Если ты, говорит, хоцешь меня замуж взять, то бери». Слетела и ударилась о землю крылом, и села красавицей. «Топерь иди домой и скажи царю, што „я подумал бить птицу, но да оцень трунно носить ею́, а роздумал, значит, представить живьём“». Ну и тот государь согласилсы. Ну, гости съехались из инных земель, было наехавши там из разнаво сословия. Вот Егорь несчастли́вый отворил окно и крикнул: «Што есть на свете птицъ, летите по паре!» Ну, полетело этих птицъ видимо-невидимо к этим гостям. Все слетелись птицы. А один купецъ плешатой сидел у окна, ну, и считал этих птицъ. «Ну, говорит, все птицы слетелись, только онной нету белуги (по-нашему чайка)!» А эти белуги и летят. Как залетели мимо купца, так и др...ли

ему на плешь. Ну, значит, вечер отошёл, птицу эту всю прижарили господа.

Потом Егорь несчастли́вый и говорит государю: «Вот што, ваше царское величество, я хо́чу женитсы!» — «Ну, если хочешь женитсы, то выбирай из моего́ царства любую́ невесту, которая тебе по́ндравится!» Ён походил, походил, повыбирал этих принцесс царских, ну и ни онна ему не по́ндравилась. Тогда ён говорит государю: «Вот што, ваше царское величество, у меня невеста есть!» — «Ну, ешли есть, то давай, веди сюда, сицья́ свадьбу зыграем!» Ён вышел на улицу, крикнул: «Ей, лебедь белая, лети, знацит, сюда!» Ну, лебедь белая прилетела, хлопнулась об мост и красавицей села. Ну, ён привёл в палаты государю. Ну, государь, знацит, поглядел на невесту, пленилсы красотой ею — просто ужась! Был вдовой государь. А всё-таки Егоря повенчал на ей. Ну вот, знацит, обвенчал, и ён жил у ево долгое или малое время.

Вот раз и говорит: «Вот што, ваше царское величество, нам это в онном доме жить неприлишно; а я, говорит, выстрою свой дворець». — «Ну, ланно, што же, говорит, ешли можно, то строй!» Отвёл ему место напротив своево дворьця, и эта жёнка выстроила дом в онну ночь. Потом утром государя приводит в дом свой. Государь интересуется домом, до тово хорош!

Ён пожил долгое или малое время Егорь несчастли́вой тут, и государю этому надо сгубить это́ва Егоря, а жену ево взять. Ну, собирает синод свой и думает, какую вину на Егоря нагнать. Ну, думали, думали, сдумать не могли ницево. Потом ён задаёт старшему своему сенато́ру, штобы в три ння была здумана какая-нибудь вина. Ну, тот пошёл по городу и стал думать. Ну, идёт по городу и видит, идёт Ванюшка-Пьянюшка. Тот и говорит: «Куда, царской слуга, пошёл?» А ён ему в ответ: «Пойди к цёрту, пьяница! Мне и так, говорит, тошно, а ты ешшо тут лезешь!» — «Не ругайсы, говорит, дружок! Сперва обойдись хорошенько! Где же вам на Егоря вину нагнать, жену от ево отнять! А я знаю, цево надо сделать. Иди топерь к государю, ну, и скажи ему, штоб ён Егоря заставил срубить рошшу в онну ночь, срубить, вывалить, и сцёпать, и посеять пшаницу и к утру пирогов напець!» Ну, знацит, ён пришёл, сказал государю. Государь призвал Егоря, несчастли́ва. Государь розскал Егорю несчастли́вому это всё сделать: срубить рошшу, вывалить, насеять пшаницы, а к утру пирогов напець. «Ешли ты этово не сделаешь, то голова на плаху!» Ну, Егорь несчастли́вый роздумалсы, домой пошёл заплакал. Жона ево увидала, знацит. «Што, говорит, Егорь несчастли́вый, плацешь?» А ён говорит: «Как мне не плакать! Государь задал такую службу: севоднешнюю ночь срубить рошшу, вывалить, насеять пшаницы, намолотить и к утру пирогов напець». Ена ему и говорит: «Это не служба, а служба вся впереди! Лёжись спать, а к утру всё готово будет!» Она вышла вецером на крыльцо и надела перстень на руку, и нашло силы видимо-невидимо сколько

народу! Ёна и говорит ему: «Вырубите рошшу, навывалите, насейте пшаницы и нажните, намолотите, к утру принесите на пироги!» Ну, оне к утру приготовили и к утру принесли слуги ей всё. Она испекла пирогов и будит Егоря несчастли́во: «Ставай, Егорь несчастли́вый, неси царю пироги!» Ён утром встаёт, отправляется с пирожкам к государю. Государь, знацит, пирожкам не рад; видит: там, где стояла рошша, видимо-невидимо.

Опять задаёт этому сановнику, штобы опять придумал вину какую. Ну, знацит, тот идёт опеть по городу и ишет Ванюшку-Пьянюшку этово: ему-де онному не придумать. Этот Ванюшка-Пьянюшка в том же кабаке. Ён даёт ему денег на водку и опять просит, штобы придумал што-нибудь. Этот Ванюшка-Пьянюшка и говорит: «Пушшай, говорит, Егорь сходит и принесёт свинку, золотые шшетинки с двенадцатью поросёнкам». Ну, государь опять задал ему эту службу, и ён пошёл домой, опять заплакал. Ну жона ево и спрашивает: «Што, мол, Егорь несчастли́вый, плацешь?» — «Как мне не плакать? Государь задал такую службу мне — сходить и привести свинку-златые шшетинки с двенадцатью поросёнкам». — «Это не служба, а служба, говорит, вся впереди! Лёжись спать, к утру все готово будет!» Ён лёг спать; она вышла на крыльце и надела перстень опять свой, и опять нашло народу видимо-невидимо сколько. Она и говорит им: «Сходите и приведите свинку к утру златые шшетинки!» Сама ушла домой, а оне ушли за свинкой. Утром стаёт Егорь несчастли́вый, а свинка ходит во дворе ево. Ён берёт эту свинку и отводит государю.

Ну, государь опять задаёт этому сановнику, штобы опять придумал вину. Сановник этот отправляется опять в тот же кабак. Видит, Ванюшка-пьянюшка опять валяется пьяный. «Што, говорит, Ванюшка-пьянюшка, Егорь несчастли́вый опять службу исполнил! На, вот бери денег, сколько хошь, придумай опять службу ему!» Тот и говорит:

«Пушшай Егорь несчастли́вый сходит туда, не знаю куда, и принесёт то, не знаю што!» Вот ён пришёл, сказал государю. Государь этот призвал Егоря. «Вот, Егорь несчастли́вый, исполни мне службу, сходи туда, не знаю куда, и принеси то, не знаю што!» Вот ён пошёл домой, заплакал опеть. Приходит домой, рассказывает жене своей. А жона и говорит: «Ну, эта служба! Лёжись спать, а с утра всё, говорит, узнаем!» Ну, вышла на крыльце, надела перстень свой и давай наводить на все места. Со всех мест пошёл народ к ей. Ёна всё спрашивает: «Не знаете ли таково места, не знаете ль?» И все говорят: «Не знаем и не знаем!» Ёна будит Егоря несчастли́во: «Ступай, говорит, в путь-дорогу! Эту службу надо тебе самому исполнить, я тебе не могу пособить!» И дала ему клубоцик и платоцик. «Иди, знацит, клубоцик этот покатитсы, иди ты знай за ним, и придёшь ты к моей сренней сестре: у той больше моей силы, ёна знает. И как придёшь, дак вытирайся этим платоцьком!»

Ён и отпра́вилсы в пу́ть доро́гу. Бро́сил клубо́чик, клубо́чик покати́лся по доро́ге. Он идёт за клубо́чком. Шёл он мно́го ли, ма́ло ли вре́мя и приходи́т к избу́шке. Входи́т в э́ту избу́шку, ви́дит: си́дит же́нщина, акура́т как жо́на ево́ то́лько постарше ма́ленько, си́дит шьёт што́-то в пя́льцах. Ён вы́нел э́тот плато́чик и утира́етсы. Ё́на как уви́дела э́тот плато́чик, так и узна́ла: «Куда́, Егорь несчастли́вый, пошёл?» Ён ей обска́зал. Ё́на говори́т: «Ле́жись спа́ть, а с утра́ всё де́ло узна́ем!» Ён лёг спа́ть. Ё́на вы́шла на ули́цу, надела́ ко́льце на па́лец и ста́ла наводи́ть на все ме́ста. Всё и спра́шивает: «Не ви́дали ли, не зна́ете ль тако́во ме́ста?» И все́ говори́т, што́ «не зна́ем и не зна́ем». Ну, ё́на разбу́дила ево́ и говори́т: «Ступа́й да́льше: я не могу́ тебе́ посо́бить!» Да́ла ему́ клубо́чик друго́й.

Ён пошёл за э́тим клубо́чком. Клубо́чик подкати́лся к тако́й же избу́шке. Ён вошёл в э́ту избу́шку. Ви́дит: си́дит же́нщина, си́дит и вы́шивает в пя́льцах. Ён по́дал Бо́жью помо́щь ей, вы́нул плато́чик и ста́л утира́ться. Она́ уви́дела плато́чик и узна́ла. «Куда́, Егорь несчастли́вый, пошёл?» Ён ей обска́зал всё, куда́ пошёл. Ё́на ему́ сказа́ла: «Ле́жись спа́ть, с утра́ всё узна́ем!» Ё́на вы́шла на ули́цу и да́вай наводи́ть на все ме́ста сво́им перснём. Ну, всё про́ходят лю́ди и говори́т: «Не зна́ем и не зна́ем тако́во ме́ста!» Утром буди́т Егоря́ несчастли́ва́во и говори́т ему́: «Ступа́й, Егорь несчастли́вый, да́льше, ступа́й к на́шей ма́тере, а о́тцу на́шему не показыва́йсы, то ё́н уви́дит те́бя, сразу́ убу́ёт, пото́му што́ ты укра́л у ево́ сви́нку — зо́лотые шше́тинки!» Да́ла ему́ клубо́чик, ё́н и пошёл за э́тим клубо́чком.

Подкати́лся клубо́чик к до́му. Он остано́вилсы у э́того са́да и ду́мает, куда́ ему́ и́дти. И ви́дит по са́ду хо́дят три же́нщины — онну́ю ве́дут под ру́ки две. Вот ё́н уви́дел и призна́ёт по сво́ей же́не, што́ э́то те́шша, пото́му што́ она́ похо́жа на ево́ же́ну. Ну, и подходи́т к ему́ са́мому: ё́н вы́нимает плато́чик и вы́тираетсы э́тим плато́чком. Она́ как уви́дела, так и узна́ла: «Как ты сю́да, Егорь несчастли́вый, по́пал? Ешли́ те́бя уви́дит му́ж, ё́н убу́ёт те́бя!» Веле́ла отве́сти служанке́ ево́ в сво́й до́м и за́перла ево́ в сунду́к. Пото́м про́шло не́много вре́мя, приходи́т му́ж. Му́ж у ей́ бы́л Кашшуй́ Бессмер́тный. Ну, сели́ пообе́дали и за́ставля́ет ё́н ею́ вшей́ и́скать. Ну, она́ и́щет вшей́ и говори́т ему́: «Где́ тако́е ме́сто е́сть, што́бы сходи́ть ту́да, не зная́ куда́, и прине́сть то́, не зная́ што́?» — «Фу, ду́ра, возьми́ моё́ ко́льце, са́ма узна́ешь, где́ ме́сто э́то е́сть!» И о́тда́л ко́льце ей́, а са́м уле́тел о́пять. Е́на вы́пустила́ из сунду́ка Егоря́ несчастли́ва́во и по́шла с им к мо́рю, и наве́ла на мо́ре. По́шли из мо́ря ры́бы. Е́на всё и спра́шивает у их: «Не зна́ете ли тако́во ме́ста, не зна́ете ль?» Онне́ ры́бы дельфи́ны на́шлись, зна́цит: «Зна́ем!»

Ну, она́ о́тда́ла персте́нь Егорю́ несчастли́ва́во, ё́н се́л на дельфи́на и по́ехал в мо́ре. И приво́зят ево́ дельфи́ны к мо́рю, до́м хруста́льный. Ё́н входи́т в э́тот до́м; в до́ме не́ту нико́во. Вот ё́н забра́лсы за пе́цьку и си́дит.

Вдруг приходит морской царь. Приходит, садитсы за стол. «Кухта-мухта, есть хочу!» Вдруг неизвестно откуль ставется кушанья на стол. Ён наелсы, напилсы и опять справилсы, уходит. И говорит Кухте-мухте: «Я, говорит, топерь улетаю на целый месяц в Россию и ты оставайсы здесь онна!» Ну, только ушёл, Егорь несчастли́ый и выходит из пеньки. «Кухта-мухта, есть хочу!» Вот так же, неизвестно откуль, наносили ему кушаний, колбасы копцённой. Вот ён и говорит: «Кухта-мухта, садись со мной!» — «Ну, говорит, ланно, добрый человек! Я ему тридцать лет служила, ён меня никогда не садил. Я топерь от тебя никогда не отстану!» Вот ён у ей и спрашивает: «Кухта-мухта, што такое есть — сходить туда, не знаю куда, и принесть то, не знаю што?» — «Это, говорит, я самая и есть!» — «Ну дак пойдём со мной!» — «Я топерь от тебя не отстану!»

Ён направилсы, и ёна с ним. Вышли вон, сели на дельфинов, выехали опять на берег. Приходит к тёшке, отдаёт перстень этот, прошшааетсы с ей и отправляетсы домой. Вышел из дому, и Кухта-мухта в один миг доставила ево в дом. В то время, дока он путешествовал, государю уж там терпенья не было: ходил и уговаривал ево жену, штобы она перешла в ево дом и стала жить с им вместе. Ёна не соглашалась, и ён стал насиловать ею. Свалил на кровать ю, стал платье загибать, ну и она, знацит, видит, што делать нецево, и говорит ему: «Дай перекреститься на икону, тогда делай, што хошь!» Ён и опустил ею́, опустил, она лопнулалсь о землю, обернулась пташкой и улетела. Егорь несчастли́ый воротилсе домой, видит: дома пенька не топлена, дом остыл. Прошло немного время, является и жена ево. Затопила печь. Государь как увидел, што топится печька, прибегает в дом и спрашивает: «Егорь несчастли́ый дома?» Ён выходит оттуль к нему: «Ну, што? Сходил туда, не знаю куда, и принёс то, не знаю што?» — «Принёс!» — говорит. «Ну, давай сюда мне!» — «Нет, говорит, не дам! Давай сперва сделаем росписание; сделаем пиры, сперва ты, а потом я; ешли ты лутше угостишь моево, то мне голова на плаху, а ешли я, то тебе!» Ну, они и сделали такое росписание. И государь собрал всех плотников со всево города. Плотники стали делать столы и скамейки на улицах. Потом скопили народа со всево города и из близких деревень всех, ну и пошли угошшенья у государя. Угошшали народ. И я был на том угошшенье. Мне ложки и той не досталось. Я поглядел — отдали, картошки поставили, и сгрёб горсть, только и тово. Потом у государя пир отошёл и нацялсы пир у Егоря несчастли́наво. Опять стал народ собираться. Ну, как партия подойдёт, так каж-ному стол подвартываетсы, стулья и каждому ложка, и вилка, и ножик, и до тово наспиртовались все — ужась! Пива и вина вдоволь я напился, домой пришёл. Так государю голову отсекли, а Егорь несчастли́ый сел на царство. Стал поживать, добра наживать. Я с заводу шёл, заходил к нему, дак добро живёт.

{/numeration} {spoiler title=Примечание}

Записана Б. и Ю. Соколовыми от [Семена Кононовича Серогорова](#) в деревне Тимохина

Ашшутинской волости.

Текст сказки приводится по [Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: в 2 книгах. — СПб.: Тропа Троянова, 1999](#)

Сказка соответствует типу: **ВСС 465А** [Красавица-жена \(«Пойди туда, не знаю куда»\)](#)

{/spoiler}